

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблчанского.](#)

В миру, в той лесной деревне, где родилась и росла Аглая, ее звали Анной.

Отца с матерью она лишилась рано. Зашла раз зимой в деревню оспа, и много покойников свезли тогда на погост в село за Свят-Озером. Сразу два гроба стояло и в избе Скуратовых. Девочка не испытала ни страха, ни жалости, только навсегда запомнила тот ни на что не похожий, для живых чужой и тяжелый дух, что исходил от них, и ту зимнюю свежесть, холод великопостной оттепели, что напустили в избу мужики, выносившие гробы к дровням под окнами.

В той лесной стороне деревни редки и малы, грубые бревенчатые дворы их стоят в беспорядке: как суглинистые бугры позволяют и поближе к речкам, к озерам. Народ там не слишком беден и блюдет свой достаток, свой старый быт, даром что ходит спокон веку на заработки, женщинам оставляя пахать неродимую землю, где она свободна от леса, косить в лесу травы, а зимой греметь ткацким станом. К тому быту и лежало сердце Анны в детстве: милы были ей и черная изба, и горячая лучина в светце.

Катерина, сестра ее, давно была замужем. Она и правила домом, сперва вместе с мужем, взятым во двор, а потом, как стал он уходить чуть не на круглый год, одна. Под ее призором девочка росла ровно и споро, никогда не хворала, ни па что не жаловалась, только все задумывалась. Если Катерина окликала ее, спрашивала, что с нею, она отзывалась просто, говоря, что у ней шея скрипит и что она слушает это. "Вот! - говорила она, повертывая голову, свое беленькое личико, - слышишь?" - "А думаешь ты о чем?" "Так. Я не знаю". Со сверстницами она в детстве не водилось, и бывать не бывала нигде, - только ран сходила с сестрой и то старое село за Свят-Озером, где на погосте, под соснами, торчат сосновые кресты и стоит бревенчатая церковка, крытая почерневшими деревянными чешуйками.

Впервые нарядили ее тогда в лапти и сарафан из пестряди, купили ожерелье и желтый платок.

Катерина о муже горевала, плакала; плакала и о своей бездетности. А, выплавав слезы, дала себе обет не знать мужа. Когда муж приходил, она встречала его радостно, ладно говорила с ним о домашних делах, заботливо пересматривала его рубахи, чинила, что надо, хлопотала возле печки и бывала довольна, когда ему что нравилось; но спали они розно, как чужие. А уходил он, - опять становилась она скучной и тихой. Все чаще отлучалась она из дому, гостила в недалежней женской обители, бывала у старца Родиона, спасавшегося за той обителью в лесной хижине. Она настойчиво училась читать, приносила из обители священные книги и читала их вслух, необычным голосом, опустив глаза, держа книгу в обеих руках. А девочка стояла возле, слушала, оглядывая избу, которая всегда была прибрана. Упиваясь звуком своего голоса, читала Катерина о святых, о мучениках, наше темное, земное презревших ради небесного, восхотевших распять плоть свою со страстями и похотьями. Анна слушала чтение, как песню на чужом языке, со вниманием. Но закрывала Катерина книгу - и она никогда не просила почитать еще: всегда непонятная была она.

Годам к тринадцати она стала отменно тонка, высока и сильна. Она была нежна, бела, синеглаза, а работу любила простую, грубую. Когда наступало лето и приходил муж Катерины, когда шла деревня на покосы, шла и Анна со своими и работала как взрослая. Да летняя работа в той стороне скудная. И опять оставались сестры одни, опять возвращались к своей ровной жизни, и опять, убравшись со скотиной, с печкой, сидела Анна за шитьем, за станом, а Катерина читала - о морях, о пустынях, о городе Риме, о Византии, о чудесах и подвигах первохристиан. В черной лесной избе звучали тогда чарующие слух слова: "В стране Каппадокийской, в царствование благочестивого византийского императора Льва Великого... Во дни патриаршества преподобного Иоакима Александрийского, в далекой от нас Эфиопии..." Так и узнала Анна о девах и юношах, растерзанных дикими зверьми на ристалищах, о небесной красоте Варвары, обезглавленной своим лютым родителем, о мощах, хранимых ангелами на Синайской горе, о воине Евстафии, обращенном к истинному богу зовом самого распятого, солнцем просиявшего среди рогов оленя, им, Евстафием, на зверином лове гонимого, о трудах Саввы освященного, обитавшего в Долине Огненной, и о многих, многих, горькие дни и ночи свои проводивших у пустынных потоков, в криптах и горных киновиях... В отрочестве она видела себя во сне в длинной льняной рубахе и в железном венце на голове. И Катерина сказала ей: "Это тебе к смерти, сестра, к ранней кончине".

А на пятнадцатом году она стала совсем как девушка, и народ дивился ее миловидности: золотисто-белый цвет ее продолговатого лица чуть играл топким румянцем; брови у нее были густые, светло-русые, глаза синие; легкая, ладная, - разве что не в меру высокая, тонкая и долгорукая, - тихо и